

– Я бы обнял жену, – сказал Иркиан, – и унес ее на руках из комнаты. А потом бы уж расправился со служанкой по своему вкусу – либо лаской, либо силой.

– Хватит вам рассказывать о том, сколько вы можете сотворить зла, – воскликнула Парламента.

– Не беспокойтесь, Парламента, – ответил Иркиан, – я не способен смутить моими речами ничьей невинности. Но это отнюдь не значит, что я сочувствую дурному поступку. Меня удивляет только затея, которая сама по себе ничего не стоит, и я не одобряю человека, который, взявшись за дело, не доводит его до конца, причем вовсе не потому, что любит жену, а потому, что ее боится. Когда муж любит свою жену так, как велит господь, он заслуживает всяческой похвалы, но я не могу уважать мужчину, когда любви у него нет, а есть только страх.

– Конечно, – сказала Парламента, – если бы вы не могли стать хорошим мужем из любви ко мне, мало было бы мне радости в том, что вы стали бы делать из страха.

– Вы забываете, – ответил Иркиан, – что любовь, которую я к вам питаю, делает меня более послушным, чем страх перед смертью и перед муками ада.

– Можете говорить что угодно, – сказала Парламента, – но, насколько я знаю, у меня нет причин быть вами недовольной, что же касается того, что от меня укрылось, то я не хочу ни подозревать вас, ни тем более выслеживать.

– Большую глупость, по-моему, совершают те женщины, которые неусыпно следят за своими мужьями, – сказала Номерфида, – равно как и мужья, которые выслеживают своих жен. Ибо достаточно каждому дню его заботы, а о том, что может случиться завтра, беспокоиться не стоит.

– Если иногда и бывает необходимо следить за тем, кто бесчестит семью, – сказала Уазиль, – то лишь для того, чтобы порядок в доме не нарушался, а вовсе не для того, чтобы осуждать людей. Нет ни одного человека, который был бы без греха.

– А ведь сколько раз люди попадали в непонятное положение из-за того, что они тщательно не следили за поведением своих жен, – заметил Жебюрон.

– Если вы знаете такой случай, то, пожалуйста, расскажите, – попросила Лонгарина.

– Один такой случай я действительно знаю, – сказал Жебюрон, – и, если угодно, я вам его расскажу.

Новелла шестидесятая

Один парижанин, не разузнав хорошенько, что случилось с его женой – он думал, что ее уже нет в живых, тогда как на Синем деле она спуталась с певчим дворцовой капеллы, – женился на другой женщине, с которой, после того как они прожили вместе четырнадцать или пятнадцать лет у них родилось несколько детей, ему пришлось расстаться, чтобы вернуться к первой жене.

В городе Париже жил один человек, настолько простодушный, что даже если бы он своими глазами увидел, что кто-то спит с его женой, он бы этому не поверил. Этот бедный малый был женат на женщине такого дурного нрава, что хуже нельзя было и придумать. Однако он не только не замечал ее поведения, но даже обращался с нею, как с женщиной самой порядочной и благородной.

Однажды, когда король Людовик Двенадцатый прибыл в Париж, распутница эта сошлась с одним из певчих придворной капеллы. Когда же она увидела, что король собирается уезжать и ей предстоит расстаться с любовником, она решила покинуть мужа и последовать за певчим. Тот согласился взять ее с собой и повез ее в свой дом, который находился неподалеку от Блуа, где они потом долгое время жили вместе. Несчастный супруг, обнаружив, что жены его нет, принялся искать ее всюду, где только мог, пока кто-то не сказал ему, что она уехала с певчим. Стремясь вернуть заблудшую овцу, которую он так и не устерег, муж написал немало писем, в которых просил жену возвратиться домой, обещая, что примет ее, если она будет вести себя, как подобает женщине порядочной. Но ей так нравилось пение певчего, с которым она жила, что она успела совсем позабыть голос мужа, и вместо того чтобы внять его добрым словам, только посмеялась над ним. Тогда ее разгневанный супруг велел передать ей, что, если она не хочет вернуться к нему добром, он обратится за правосудием к Церкви и ее все равно заставят вернуться. Женщина эта, боясь, что,